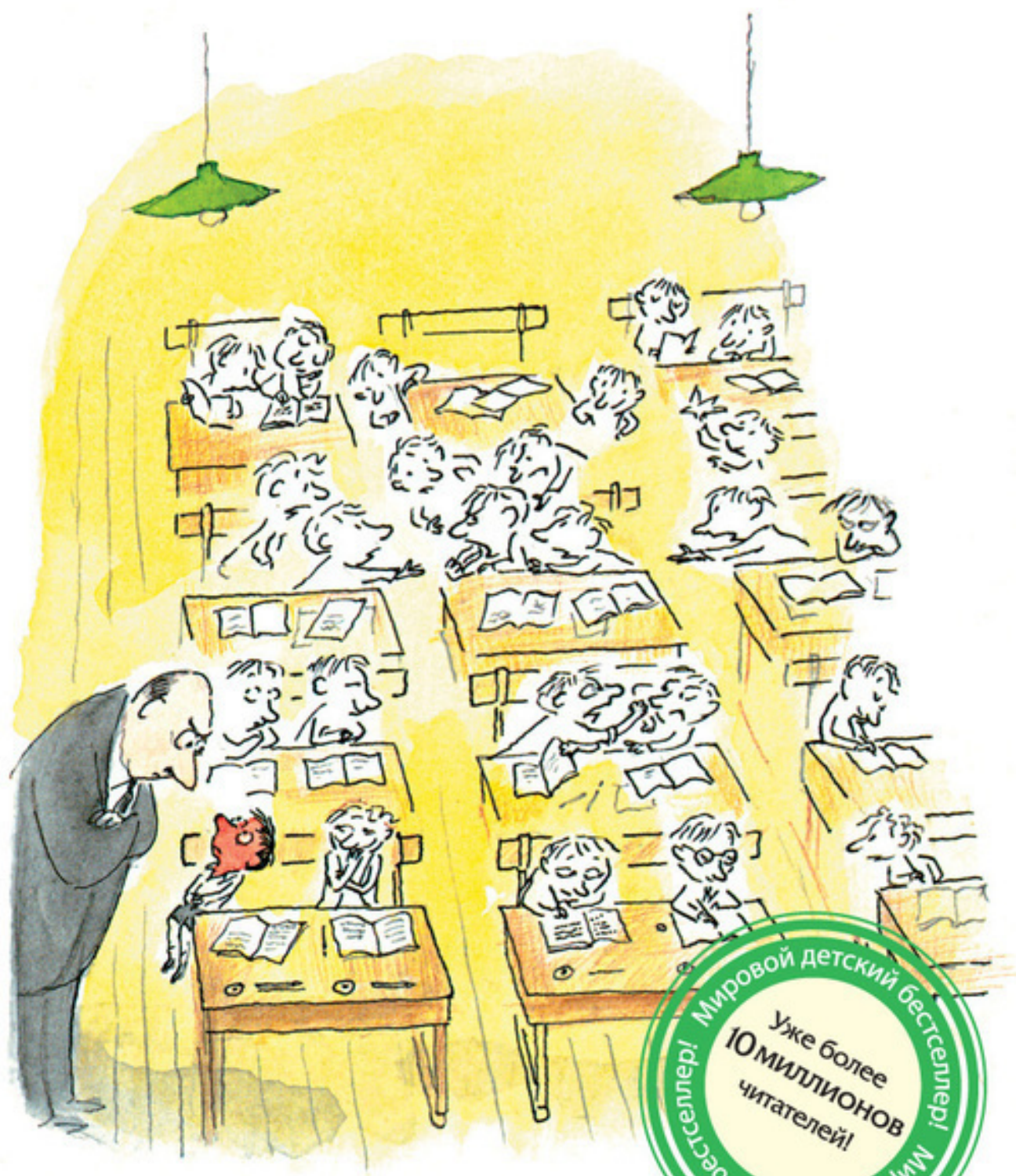

ГОСИННИ

САМПЕ

Неприятности Малыша Николы

✦ Machaon

Малыш Николая

Рене Госинни

Неприятности малыша Николая

«Азбука-Аттикус»

1964

УДК 821.133.1-32-93
ББК 84(4Фра)-44

Госинни Р.

Неприятности малыша Николая / Р. Госинни — «Азбука-Аттикус», 1964 — (Малыш Николая)

ISBN 978-5-389-12674-9

«Вчера Жоакима не было в школе, а сегодня он пришёл, но выглядел очень расстроенным, и мы все ужасно удивились. Конечно, не тому, что он опоздал и выглядел расстроенным, потому что он часто опаздывает и всегда расстроен, когда надо идти в школу, особенно если у нас контрольная по грамматике. Мы удивились, когда учительница ему радостно улыбнулась и сказала:— Что ж, Жоаким, поздравляю! Ты, наверное, очень рад, правда?..»

УДК 821.133.1-32-93

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-12674-9

© Госинни Р., 1964
© Азбука-Аттикус, 1964

Содержание

У Жоакима неприятности	7
Письмо	13
Цена денег	18
Мы с папой идём на рынок	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рене Госинни

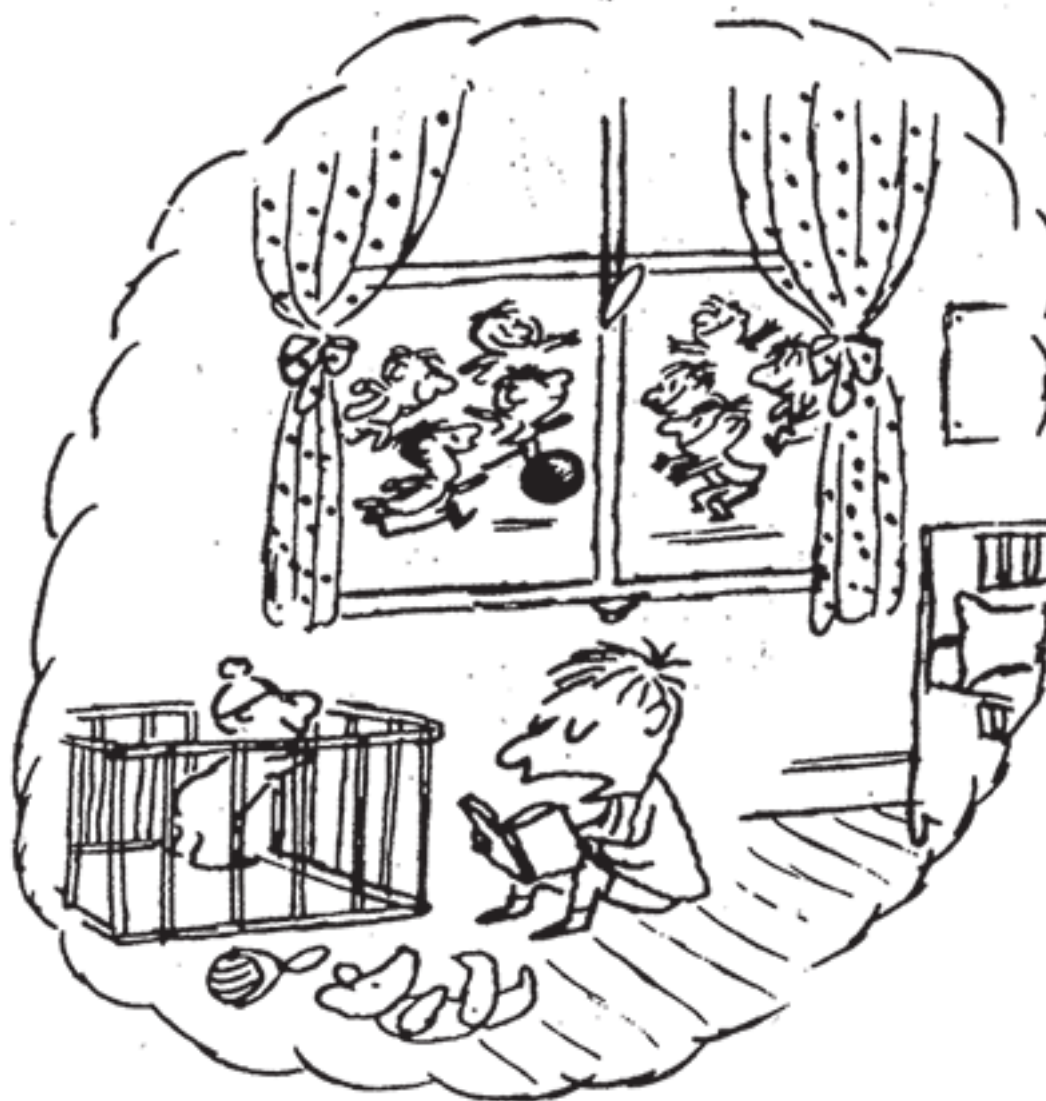
Неприятности малыша Николая

© 1964, by Editions Denoël New edition © 2004

© Прессман И. Л., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
Machaon®

* * *

У Жоакима неприятности

Вчера Жоакима не было в школе, а сегодня он пришёл, но выглядел очень расстроенным, и мы все ужасно удивились. Конечно, не тому, что он опоздал и выглядел расстроенным, потому что он часто опаздывает и всегда расстроен, когда надо идти в школу, особенно если у нас контрольная по грамматике. Мы удивились, когда учительница ему радостно улыбнулась и сказала:

– Что ж, Жоаким, поздравляю! Ты, наверное, очень рад, правда?

Мы все просто обалдели, потому что хотя уже случалось, что учительница ласково разговаривала с Жоакимом (она у нас вообще замечательная и с кем хочешь может разговаривать ласково), но чтобы его поздравлять – такого никогда не было, просто никогда! Но нам показалось, что Жоаким не очень-то и обрадовался, у него всё равно был раздосадованный вид, и он отправился на своё место и уселся рядом с Мексаном. Мы все обернулись, чтобы на него посмотреть, но учительница постучала линейкой по столу и велела нам не отвлекаться, заниматься, чем положено, списывать с доски, и, пожалуйста, без ошибок.

А потом Жоффруа – он сидит как раз сзади меня – сказал:

– Передайте дальше! У Жоакима младший брат родился!

На перемене мы все обступили Жоакима. Он прислонился к стене и засунул руки в карманы, а мы стали его расспрашивать, правда это или нет, что у него появился младший брат.

– Ну да, – подтвердил Жоаким. – Вчера утром меня разбудил папа, он был уже полностью одет, только небритый, но ужасно весёлый. Он меня поцеловал и сказал, что ночью у меня родился младший брат. Потом велел тоже быстро одеваться, и мы поехали в больницу, а там была мама, она лежала в постели, но вид у неё был такой же довольный, как у папы, а рядом с её кроватью в колыбели был мой младший брат.

– Ладно, – сказал я, – но что-то у тебя самого вид не больно довольный!

– С чего это мне радоваться? – спросил Жоаким. – Во-первых, он жуткий урод. Маленький, весь красный и постоянно орёт, но почему-то все этому ужасно радуются. А когда я дома только скажу что-нибудь погромче, меня тут же заставляют замолчать, а папа говорит, что я дубина и что у него от меня лопнут барабанные перепонки.

– Вот-вот, знакомая картина, – поддержал его Руфюс. – У меня тоже есть младший брат, от этого всё время одни неприятности. Любимчик, ему всё можно. Если стукнешь его, тут же бежит жаловаться родителям, а потом в четверг меня не пускают в кино!

– А у нас всё наоборот, – поделился Эд. – У меня старший брат, и любимчик – он. Всё болтает, что я вечно доставляю одни неприятности, а на самом деле сам меня колотит, а ещё ему разрешают поздно вечером смотреть телевизор и курить!

– С тех пор как он появился, этот младший брат, ко мне все всё время придираются, – продолжал рассказывать Жоаким. – В больнице мама потребовала, чтобы я его поцеловал. Мне, конечно, не хотелось, но я всё равно сделал, как она хотела, а папа тут же стал кричать, чтобы я был поосторожней, что я сейчас опрокину колыбельку и что он никогда не видел другого такого недотёпу, как я.

– А что они едят, когда такие маленькие? – спросил Альцест.

– А потом, – сказал Жоаким, не обращая внимания на вопрос, – мы с папой вернулись домой, но без мамы дома ужасно грустно. Особенно когда папа стал готовить обед и злиться, что никак не может найти открывашку для консервов, а на обед у нас были одни сардины с зелёным горошком. И сегодня утром за завтраком папа опять на меня кричал, потому что у него молоко убежало.

– Это ещё что, вот посмотришь, что будет дальше, – вздохнул Руфюс. – Сначала, когда они привезут его домой, он будет спать у родителей, а потом они его поселят к тебе в комнату. И каждый раз, когда ему вздумается зареветь, все будут считать, что это из-за тебя.

– А у меня в комнате, – сообщил Эд, – спит мой старший брат, но это ничего; только когда я был совсем маленький, уже давно, этот дурак ужасно радовался, когда у него получалось меня напугать.

– Ну уж нет! – закричал Жоаким. – Как хотите, но у меня в комнате он спать не будет! Это моя комната, а он может поискать себе другую, если ему так хочется ночевать у нас дома!

– Как же! – хмыкнул Мексан. – Если твои родители скажут, что младший брат будет спать у тебя в комнате, значит, он будет спать у тебя в комнате, вот и всё!

– Нет уж, мсье! Нет уж! – всё кричал Жоаким. – Пусть укладывают его где хотят, но не у меня! А я запрусь на ключ! Ещё чего не хватало, видали!

– А это вкусно – сардины с зелёным горошком? – спросил Альцест.

– После обеда папа повёз меня в больницу, а там уже были дядя Октав, тётя Эдит, а ещё тётя Лиди, и все говорили, что мой младший брат похож на кучу народу, на папу, маму, дядю Октава, тётю Эдит, тётю Лиди и даже на меня, – немного успокоившись, продолжал Жоаким. – Потом они мне сказали, что я должен быть очень рад, а ещё должен теперь очень хорошо себя вести, помогать маме и отлично учиться в школе. А папа сказал, что он надеется, что я постараюсь, потому что до сих пор я всё лоботрясничал, но отныне мне придётся показывать пример младшему брату. После этого все про меня забыли, кроме мамы, – она поцеловала и сказала, что очень меня любит, так же сильно, как и моего младшего брата.

– Эй, парни, – предложил Жоффруа, – может, сыграем в футбол, пока перемена не кончилась?

– Кстати! – вспомнил Руфюс. – Теперь, когда ты захочешь пойти поиграть с друзьями, тебя могут заставить сидеть дома с младшим братом.

– Ах так? Ничего себе! Пусть этот тип сам с собой сидит дома! – заявил Жоаким. – В конце концов, никто его не звал! А я буду ходить играть, когда мне захочется!

– Могут выйти неприятности, – заметил Руфюс. – А ещё они тебе будут говорить, что ты ревнуешь.

– Что?! – закричал Жоаким. – Только этого не хватало!

И он сказал, что совершенно не ревнует, что это всё глупости и что ему вообще плевать на этого младшего брата. Единственное, о чём он просит, – это чтобы к нему не приставали и не лезли ночевать в его комнату, ну и ещё чтобы не мешали играть с друзьями, и вообще, он терпеть не может любимчиков, а если его будут так доставать, то и ладно, он просто уйдёт из дома, и пусть им будет хуже, пусть сидят со своим Леонсом, но они все ещё пожалеют, когда он уйдёт, особенно когда родители узнают, что он стал капитаном военного корабля, зарабатывает кучу денег, и вообще, ему всё равно дома всё надоело, и в школе тоже, и никто ему не нужен, и ему просто смешно на всё это смотреть.

– А кто это – Леонс? – спросил Клотер.

– Кто-кто, мой младший брат, – ответил Жоаким.

– Дурацкое у него имя, – сказал Клотер.

И тут Жоаким набросился на Клотера и здорово ему врезал, потому что, объяснил он нам, терпеть не может, когда кто-то оскорбляет его семью.

Письмо

Я ужасно беспокоюсь за папу: у него стала совсем плохая память.

На днях вечером к нам зашёл почтальон и принёс для меня большущий пакет, и я был ужасно рад, потому что люблю, когда почтальон приносит мне посылки. Там всегда бывают подарки, которые мне присылает бабуля, мама моей мамы, а папа говорит, что это безумие – так баловать ребёнка, и они с мамой ссорятся. Но в этот раз никто не ссорился и папа был очень доволен, потому что посылка, оказалось, не от бабули, а от мсье Мушбума, папиного начальника. Там была настольная игра – у меня уже есть одна такая, – и ещё для меня письмо:

«Дорогому Николя, у которого такой трудолюбивый папа.

Роже Мушбум».

– Что за странная идея! – удивилась мама.

– Это всё потому, что я недавно оказал ему одну личную услугу, – объяснил папа. – Ездил на вокзал, стоял в очереди и купил ему билеты на поезд, когда он собирался отправиться в поездку. Мне кажется, что с его стороны очень мило прислать Николя подарок.

– Было бы ещё милее, если бы он повысил тебе зарплату, – заметила мама.

– Браво, браво! – воскликнул папа. – Как раз подходящее замечание, которое следует высказать перед ребёнком! Итак, чего же ты хочешь? Чтобы Николя отправил подарок обратно Мушбуму и сообщил ему, что он предпочитает, чтобы его папе повысили зарплату?

– Ну нет! – возразил я.

Ну правда, даже если у меня уже есть одна такая игра, я мог бы вторую обменять у ребят в школе на что-нибудь получше.

– О-о! – протянула мама. – В конце концов, если тебя устраивает, что кто-то балует твоего сына, мне на это нечего возразить.

Папа сжал губы и стал смотреть в потолок, потом покачал головой и сказал мне, что я должен буду поблагодарить мсье Мушбума по телефону.

– Нет, – вмешалась мама. – Что действительно следовало бы сделать, так это написать ему небольшое письмо.

– Ты права, – согласился папа. – Лучше письмо.

– Лично я предпочитаю позвонить, – сказал я.

В самом деле, писать – это страшно скучно, а вот разговаривать по телефону я очень люблю, но дома мне не так уж часто разрешают это делать, только когда звонит бабуля и хочет, чтобы я подошёл и чмокнул её в трубку.

– Что касается тебя, – отрезал папа, – то твоего мнения никто не спрашивал. Если тебе велят написать, сядешь и напишешь!

Вот это уже было совсем несправедливо! И я сказал, что не хочу писать, а если мне не дадут позвонить, то мне вообще ничего не надо, никакой дурацкой игры, и вообще у меня уже одна такая есть, и с меня хватит, и раз так, то пусть бы уж лучше мсье Мушбум прибавил папе зарплату. Что за дела, в конце концов!

– Хочешь получить оплеуху и отправиться спать без ужина?! – закричал папа.

Тогда я заплакал, а папа спросил, за что ему всё это, а мама сказала, что если немедленно все не успокоятся, то это она отправится спать без ужина, и пусть тогда остальные разбираются со своими делами без неё.

– Послушай, Николая, – обратилась она ко мне, – если ты будешь хорошо себя вести и напишешь письмо без всяких разговоров, получишь двойную порцию десерта.

Я согласился (это был абрикосовый пирог), а мама объявила, что идёт готовить ужин, и отправилась на кухню.

– Так, – сказал папа, – займёмся черновиком.

Он достал из ящика своего письменного стола лист бумаги, карандаш, посмотрел на меня, покусал кончик карандаша и спросил:

– Итак, Николая, о чём же ты, собственно, собираешься поведать нашему старине Мушбуму?

– Ну, я мог бы ему написать, что, даже если у меня уже и есть одна такая игра, я всё равно очень доволен, потому что смогу познакомиться с кем-нибудь из ребят в классе. У Клотера, например, есть классная синяя машина, и...

– Да-да, хорошо, – перебил меня папа. – Я понял. Так... С чего же мы начнём?.. Дорогой мсье... Нет... Дорогой мсье Мушбум... Нет, это слишком фамильярно... Мой дорогой мсье... Гм... Нет...

– Я мог бы написать просто: «Мсье Мушбум», – предложил я.

Папа посмотрел на меня, потом встал и закричал в сторону кухни:

– Дорогая! «Дорогой мсье», «Мой дорогой мсье» или «Дорогой мсье Мушбум»?

– В чём дело? – спросила мама, выходя из кухни и вытирая руки о передник.

Папа повторил, и мама сказала, что она написала бы «Дорогой мсье Мушбум», но папа ответил, что ему кажется, что это слишком фамильярно, и что он думает, не лучше ли будет написать просто «Дорогой мсье». Но мама возразила, что нет, что просто «Дорогой мсье» – это слишком сухо и что не надо забывать, что пишет ребёнок. Папа сказал, что вот именно, «Дорогой мсье Мушбум» не годится для ребёнка, это звучит недостаточно уважительно.

– Если ты уже всё решил, – воскликнула мама, – зачем ты меня отвлекаешь?! Мне, между прочим, надо готовить ужин.

– О! – сказал папа. – Прошу прощения, что отвлек тебя от такого важного дела. В конце концов, ведь речь идёт всего лишь о моём шефе и моей карьере!

– Ты имеешь в виду, что твоя карьера зависит от того, как Николя напишет это письмо? – спросила мама. – Когда ему присылает подарок моя мама, то вокруг этого, по крайней мере, не поднимается столько шума!

Тут просто ужас что началось! Папа стал кричать, мама тоже стала кричать, а потом она ушла на кухню и хлопнула дверью.

– Ладно, бери карандаш и пиши, – велел мне папа.

Я сел за папин стол, и папа начал диктовать:

– «Дорогой мсье», запятая, с новой строки. «С большой радостью...» Нет, зачеркни. Подожди... «С большим удовольствием...» Да, так. «С большим удовольствием и большим удивлением...» Нет. Напиши: «С огромным удивлением...» Или нет. Слушай, не будем преувеличивать. Оставь: «С большим удивлением получил я Ваш прекрасный подарок...» Нет. Здесь ты можешь написать: «Ваш чудесный подарок... Ваш чудесный подарок, который доставил мне столько удовольствия...» Ах нет... Про удовольствие мы уже писали. Зачеркни «удовольствие». А в конце поставь: «С уважением...» Или лучше: «С глубоким уважением»? Подожди...

Папа пошёл на кухню, оттуда послышались какие-то крики, и он вернулся весь красный.

– Ладно, – сказал он мне, – напиши: «С глубоким уважением», а потом подпишись. Вот так.

Папа взял мой листок, чтобы всё перечитать, глаза у него округлились, он снова посмотрел на мой листок, тяжело вздохнул и взял другой, чистый, для нового черновика.

– У тебя, кажется, есть почтовая бумага? – спросил папа. – Такая, с маленькими птичками, которую тётя Доротея тебе подарила на день рождения?

- Это были кролики, – поправил я.
- Вот именно, – подтвердил папа. – Сходи-ка за ней.
- Я не знаю, где она, – сказал я.

Тогда мы с папой пошли вместе в мою комнату и начали искать, из шкафа попададо всё, что там лежало, прибежала мама и спросила, чем мы здесь занимаемся.

– Мы с Николя разыскиваем его почтовую бумагу, представь себе, – закричал папа, – но в этом доме ужасный беспорядок! Это просто невероятно!

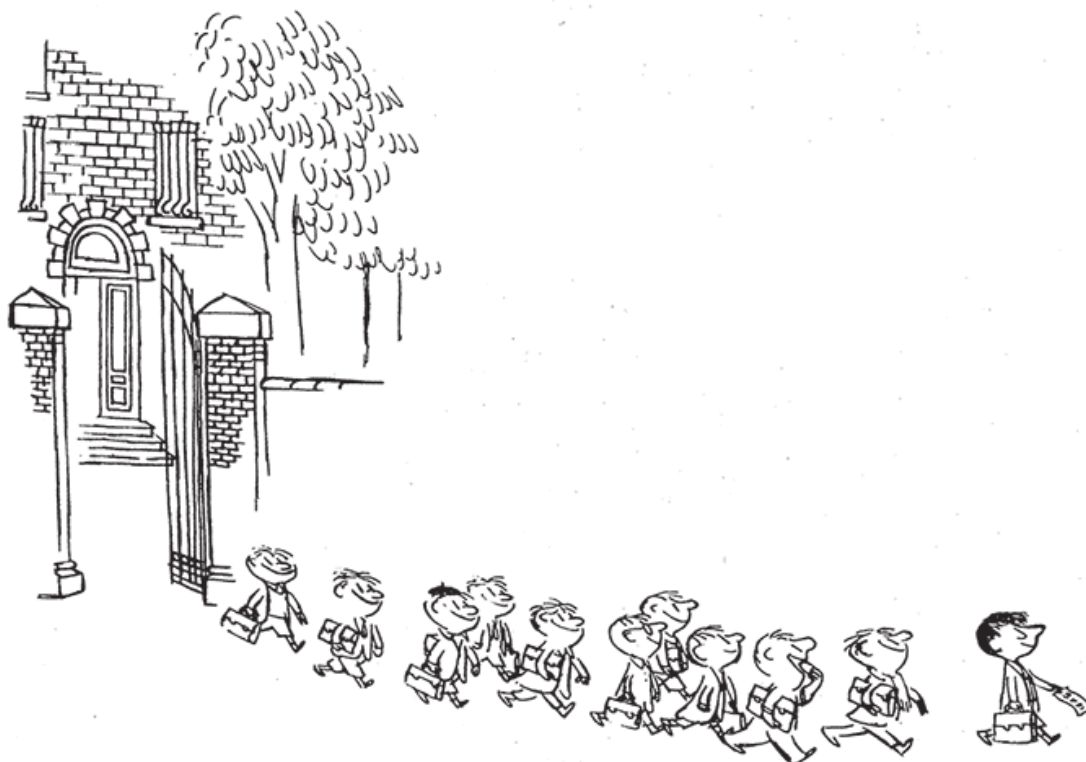
Мама сказала, что почтовая бумага лежит в ящичке журнального столика в гостиной, что всё это ей уже начинает надоедать и что ужин готов.

Я переписал папино письмо, и мне даже пришлось сделать это несколько раз из-за ошибок, а потом ещё раз из-за кляксы.

Мама опять пришла и напомнила, что ужин подгорит, но тем хуже для нас, а потом я ещё три раза переписал адрес на конверте, и папа сказал, что теперь можно идти ужинать. Я попросил у папы марку, папа воскликнул: «Ах да!» – и дал мне марку, а десерта я получил двойную порцию. Но за ужином мама с нами не разговаривала.

И вот на следующий день вечером я ужасно испугался за папу, потому что, когда зазвонил телефон, папа снял трубку и сказал:

– Алло? Да... А! Мсье Мушбум!.. Добрый вечер, мсье Мушбум... Да? Что вы говорите? – Тут у папы сделалось ужасно удивлённое лицо, и он закричал: – Письмо?! Ах, так вот зачем наш маленький тихоня Николя попросил у меня вчера вечером почтовую марку!

Цена денег

Я занял четвертое место на контрольной по истории: там было про Карла Великого¹, а я всё про него знаю, особенно про Роланда² и его меч, который никогда не ломается.

Папа с мамой были очень довольны, когда узнали, что я четвертый, а папа достал свой бумажник и дал мне – догадайтесь что! – десятифранковую бумажку!

– Держи, малыш, – сказал папа, – купишь себе завтра чего захочется.

– Но... Но, дорогой, – возразила мама, – тебе не кажется, что для малыша это слишком крупная сумма?

– Ни в коем случае, – ответил папа. – Николя пора учиться обращаться с деньгами с пониманием. Я уверен, что он потратит эти десять франков самым разумным образом. Так, малыш?

Я ответил, что так, и поцеловал папу и маму, они у меня замечательные, а бумажку положил в карман, и из-за этого мне пришлось ужинать одной рукой, потому что другой я всё время проверял, на месте ли деньги. Это правда, что столько у меня раньше никогда не было. Конечно, иногда мама даёт мне деньги, чтобы я сходил за покупками к мсье Компани, его магазин на нашей улице, на углу, но ведь это не для меня, и мама меня всегда предупреждает, какую мсье Компани даст мне сдачу. В общем, это совсем другое дело.

Когда я ложился спать, то положил свои десять франков под подушку, но заснуть никак не мог. Потом мне снились странные вещи про того мсье, который нарисован на деньгах и смотрит куда-то в сторону: у меня во сне он принимался строить всякие рожи, а дом, изображённый позади него, превращался в магазин мсье Компани.

¹ Карл Великий (742–814) – король франков, завоевавший обширные земли и образовавший империю, которая распалась вскоре после его смерти.

² Роланд – участник похода Карла Великого и персонаж героической поэмы «Песнь о Роланде».

Утром в школе, прежде чем войти в класс, я показал деньги ребятам.

– Ничего себе, надо же! – удивился Клотер. – И что ты с ними будешь делать?

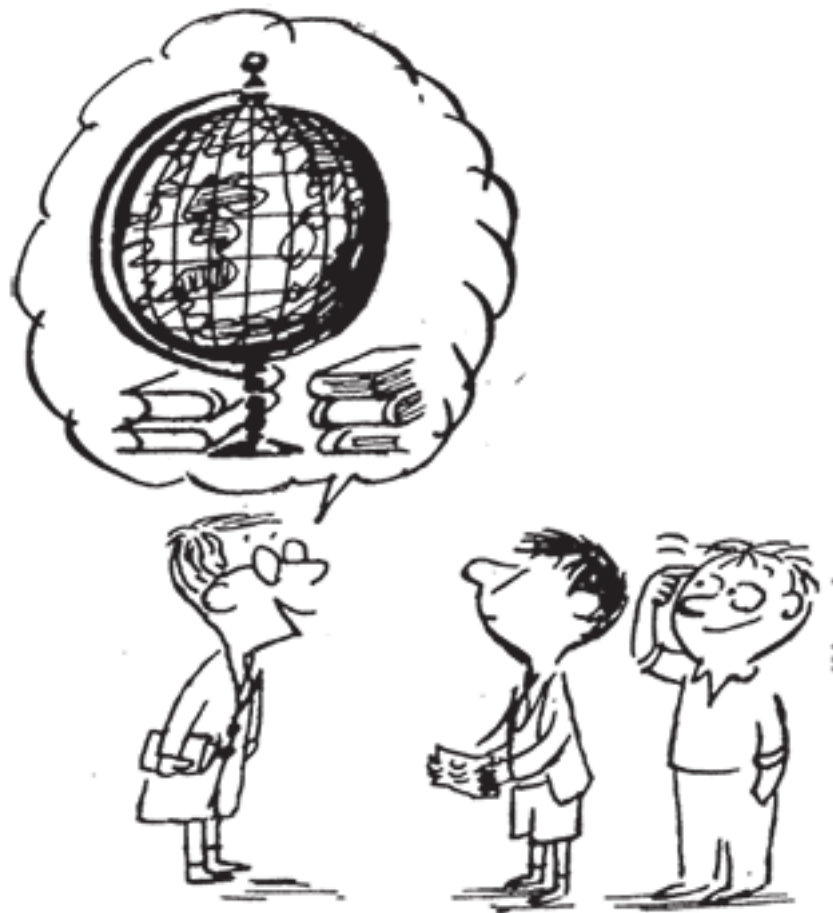
– Не знаю, – ответил я. – Папа мне их дал, чтобы я научился понимать, что такое деньги, и чтобы потратил их разумно. Лично я хотел бы купить самолёт, только настоящий.

– Не получится, – заявил Жоаким. – Настоящий самолёт стоит дорого, уж не меньше тысячи франков.

– Тысячи франков? – воскликнул Жоффруа. – Ты что, смеёшься? Мой папа говорил, что это тысяч тридцать, да и то если самолёт совсем маленький!

Тут мы все расхохотались, потому что Жоффруа вечно болтает неизвестно что, он ужасный врун.

– Почему бы тебе не купить атлас? – предложил Аньян, первый ученик в нашем классе и любимчик учительницы. – Такие красивые карты с фотографиями и пояснениями, это очень полезно.

– Ещё не хватало, чтобы я платил свои деньги за какую-то книгу! – возмутился я. – И вообще книги мне и так всё время дарит тётя – на дни рождения и когда болею. Я ещё не дочитал ту, которую получил, когда у меня была свинка.

Аньян молча посмотрел на меня и ушёл повторять урок по грамматике. Он ненормальный, этот Аньян!

– Хорошо бы тебе купить футбольный мяч, чтобы мы все могли в него играть, – сказал Руфюс.

– Смеёшься, что ли! – ответил я. – Это мои деньги, и я не собираюсь покупать на них что-то для кого-то ещё. И вообще, если тебе так хочется играть в футбол, попробовал бы сам занять четвертое место по истории!

– Жадина, – обозвал меня Руфюс. – Если ты оказался четвертым, так это просто потому, что ты у учительницы такой же любимчик, как Аньян!

Но я не смог врезать Руфюсу, потому что зазвенел звонок, и надо было строиться и идти в класс. Всегда так: как только начинается настоящее веселье, тут же – дзинь! – и ступай в класс.

Мы уже построились, когда прибежал Альцест.

– Ты опоздал, – сделал ему замечание наш воспитатель Бульон.

– Я не виноват, – ответил Альцест. – На завтрак был один лишний круассан.

Бульон тяжело вздохнул и велел Альцесту встать в строй и стереть масло, которое осталось у него на подбородке.

В классе я сказал Альцесту, который сидит рядом со мной:

– Видал это? – и показал ему деньги.

Тут учительница закричала:

– Николая! Что это у тебя за бумажка? Немедленно принеси её сюда, я её конфискую!
Я заплакал и понёс деньги учительнице, которая посмотрела на них с большим удивлением.

– Что ты собираешься с этим делать? – спросила она.

– Ещё не знаю. Это мне папа дал за Карла Великого, – объяснил я.

Я заметил, что учительница старается не засмеяться. С ней иногда такое случается, и она тогда становится ужасно красивой. Она отдала мне деньги, велела убрать их в карман и сказала, чтобы я с ними не играл и не тратил на глупости. А потом она вызвала Клотера, и, по моему, его папа не станет давать ему денег за ту отметку, которую он получил.

На перемене, пока все остальные играли, Альцест схватил меня за руку, оттащил в сторону и стал расспрашивать, что я собираюсь делать со своими деньгами. Я ему ответил, что пока не знаю, и тогда он сказал, что на десять франков можно купить целую кучу плиток шоколада.

– Ты их штук пятьдесят сможешь купить! Пятьдесят плиток, представляешь? – разволновался Альцест. – По двадцать пять каждому!

– С какой это стати я стану отдавать тебе двадцать пять плиток? – спросил я. – Это мои деньги!

– Оставь ты его, – сказал Руфюс Альцесту. – Он жадина!

И они убежали играть, но мне на это наплевать, вот так! В конце концов, что они все ко мне пристают, когда это мои деньги!

Но вообще-то Альцест подал мне неплохую мысль – про плитки шоколада. Во-первых, я очень люблю шоколад, и потом, у меня никогда не было пятидесяти плиток сразу, даже когда я ездил к бабуле, а она мне всегда даёт всё, что мне хочется. Поэтому после уроков я побежал в булочную-кондитерскую, и, когда продавщица меня спросила, чего хочу, я отдал ей свои деньги и попросил:

– Плитки шоколада на все! Должно получиться пятьдесят, мне Альцест говорил.

Продавщица посмотрела на деньги, потом на меня и спросила:

– Где ты это нашёл, малыш?

– Я не нашёл, – объяснил я, – мне их дали.

– Тебе их дали, чтобы ты купил пятьдесят плиток шоколада? – удивилась продавщица.

– Ну да, – ответил я.

– Я не люблю маленьких лгунишек, – сердито сказала продавщица. – Будет лучше, если ты положишь эти деньги туда, где ты их нашёл.

И она на меня так посмотрела, что я убежал и плакал всю дорогу до дома.

Дома я всё рассказал маме. Тогда она меня поцеловала и сказала, что всё уладит. Она взяла мои десять франков и отправилась поговорить с папой, который сидел в гостиной, а потом вернулась с монеткой в двадцать сантимов.

– Пойди и купи себе шоколадку за двадцать сантимов, – сказала мама.

И я был очень доволен. А половину плитки я, наверное, отдам Альцесту, потому что он мой друг и мы с ним всегда всем делимся.

Мы с папой идём на рынок

После ужина папа с мамой подводили итоги месяца.

– Не понимаю, куда уходят деньги, которые я приношу в дом, – сказал папа.

– Вот как! Приятно это слышать, – ответила мама, хотя по её виду я бы этого не подумал.

А потом она объяснила папе, что он не имеет ни малейшего представления о том, сколько стоят продукты, и что, если бы ему самому пришлось делать покупки, он бы это понял, но перед ребёнком нельзя обсуждать такие вещи.

Папа ответил, что всё это ерунда и что если бы покупками занимался он, то сэкономил бы деньги, но при этом питались бы мы гораздо лучше, а ребёнку вообще пора спать.

– Ну что ж, раз так, отправляйся за покупками сам, если ты такой ловкий, – предложила мама.

– Отлично! – согласился папа. – Завтра воскресенье, и я сам пойду на рынок. И ты увидишь, что меня никто не сможет обдурить!

– Классно! – обрадовался я. – Я тоже с тобой пойду!

И меня отправили спать.

Утром я спросил у папы, можно ли мне пойти с ним, и папа подтвердил, что сегодня покупками будут заниматься одни мужчины. Я был ужасно рад, я люблю везде ходить с папой, а рынок – это вообще здорово. Там полно народу, все кричат, как на большой перемене, только к тому же там хорошо пахнет. Папа велел мне взять сетку для продуктов, мама с нами попрощалась, и ей тоже было очень весело.

– Смейся, смейся! Посмотрим, что ты скажешь, когда мы вернёмся – с отличными продуктами, за которые заплатим нормальную цену! – решительно заявил папа. – Потому что нас, мужчин, не проведёшь! Скажи, Николя?

– Ага, – подтвердил я.

Но мама всё равно смеялась и сказала, что идёт греть воду, чтобы сварить лангустов, которых мы ей принесём, а мы отправились за машиной в гараж.

По дороге я спросил у папы, правда ли, что мы купим лангустов.

– А почему бы и нет? – весело ответил папа.

Когда мы добрались до рынка, оказалось, что найти место для нашей машины довольно трудно. Туда понаехало столько народу! К счастью, папа заметил одно свободное местечко – у меня папа очень зоркий! – и мы припарковались.

– Прекрасно! – воскликнул папа. – Мы сможем доказать твоей маме, что нет ничего проще, чем ходить на рынок, и покажем ей пример, как надо экономить. Скажи, малыш?

Папа подошёл к продавщице, которая торговала кучей овощей, посмотрел и сказал, что помидоры совсем недорогие.

– Дайте мне килограмм помидоров, – попросил папа.

Продавщица положила в нашу сетку для продуктов пять помидоров и спросила:

– Что ещё желаете?

Папа взглянул на сетку и громко удивился:

– Как? В килограмме всего пять помидоров?

– А вы что думали? – рассердилась продавщица. – Надеялись за такие деньги получить целую плантацию? Эти мужья, когда их выпускают на рынок, просто бог знает что!

– Мужей не так-то просто обвести вокруг пальца, не то что жён, вот так! – заявил папа.

– Ну-ка, повторите, что вы там сказали, если вы мужчина? – попросила продавщица, которая была очень похожа на мсье Панкраса, мясника из магазина, который находится рядом с нашим домом.

Папа пробормотал:

– Ладно, ладно, хорошо.

Он отдал мне сетку с помидорами, и мы ушли, а продавщица в это время всё ещё обсуждала с другими продавщицами что-то насчёт папы.

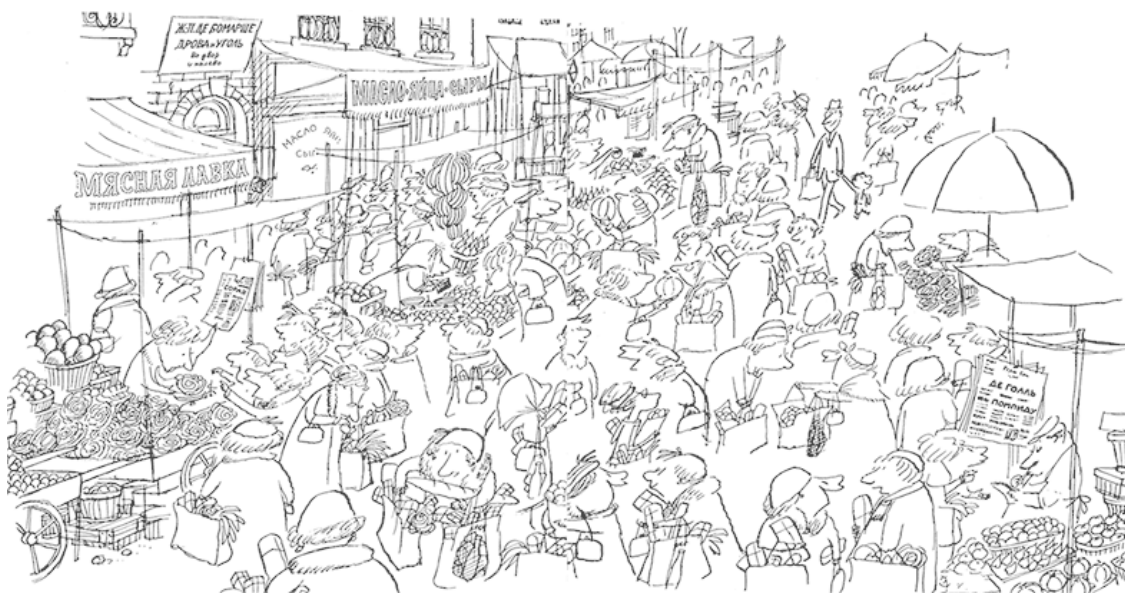
Тут я заметил торговца, у которого на прилавке лежало полно всякой рыбы и здоровенные лангусты.

– Посмотри, папа! Вон лангусты! – закричал я.

– Отлично, – обрадовался папа, – пойдём-ка на них взглянем.

Папа подошёл к торговцу и спросил, свежие ли у него лангусты. Торговец объяснил ему, что лангусты у него совершенно особенные, а что касается их свежести, то он считает, что скорее да, потому что они ещё живые. И он расхохотался.

– Ладно, хорошо, – сказал папа. – Почему вот этот большой, который шевелит клешнями? Торговец назвал цену, и у папы глаза буквально полезли на лоб.

– А вон тот, который поменьше? – спросил папа.

Торговец снова назвал цену, а папа ответил, что это невероятно и просто позор.

– Скажите-ка, – спросил торговец, – вы что собирались купить – лангуста или креветок? Потому что цены на них разные. Ваша жена должна была вас предупредить.

– Пошли, Николая, – взял меня за руку папа, – поищем что-нибудь другое.

Но я ответил папе, что не стоит куда-то ещё идти, когда тут такие классные лангусты, лежат и шевелят клешнями, и потом лангусты – это ужасно вкусно.

– Не спорь, Николая, пошли, – повторил папа. – Мы не будем покупать лангустов, вот и всё.

– Но, папа, – возразил я, – мама ведь уже поставила греть для них воду, мы же обещали их принести.

– Николая, – рассердился папа, – если ты не прекратишь, будешь ждать меня в машине!

Тут я расплакался, потому что правда, почему это, так нечестно.

– Bravo! – воскликнул торговец. – Мало того, что вы скряга и морите голодом свою семью, к тому же вы ещё и издеваетесь над своим несчастным ребёнком.

– Не лезьте не в своё дело! – закричал папа. – И вообще, нечего обзывать человека скрягой, когда сами вы – грабитель!

– Я – грабитель?! – ещё громче закричал торговец. – А по шее не хотите?

И он схватил одну рыбину.

– Правда-правда, – поддержала папу одна дама. – Мерлан, которого вы мне продали позавчера, оказался несвежим. Даже кошка от него отказалась.

– Несвежий, мой мерлан?! – орал торговец.

Тут набежала куча народу, и, пока все спорили, а торговец размахивал своей рыбиной, мы ушли.

– Едем домой, – решил папа, который выглядел довольно нервным и уставшим. – Уже поздно.

– Но ведь у нас только пять помидоров, – заметил я. – Мне кажется, что лангуст...

Но папа не дал мне договорить, а потянул за руку, и это было так неожиданно, что я выпустил сетку с помидорами, и она упала на землю. Вот это был номер! Особенно когда одна толстая дама, которая шла за нами, наступила на помидоры, раздалось громкое «чпок», и она посоветовала нам быть повнимательнее. Когда я подобрал нашу сетку, то, что в ней оставалось, выглядело совершенно неаппетитно.

– Надо вернуться и купить другие помидоры, – предложил я папе. – Эти уже никуда не годятся.

Но папа ничего не хотел слышать, и мы пошли к машине. Там он ещё больше расстроился – из-за штрафа за парковку в неподобающем месте, который ему назначили.

– Нет, решительно, сегодня не мой день! – воскликнул он.

Мы сели в машину, и папа тронулся с места.

– Смотри, куда кладёшь сетку! – вдруг закричал он. – У меня все брюки вымазаны помидорами! Гляди, что ты наделал!

Вот именно в этот момент мы как раз и въехали в грузовик. Конечно, если день не задался, то уж до самого конца!

Когда мы вышли из мастерской, в которую увезли нашу машину – ничего страшного, послезавтра всё будет готово, – папа выглядел сердитым. Это, наверное, из-за того, что ему наговорил тот толстяк – водитель грузовика.

Дома мама, увидев нашу сетку с продуктами, собралась что-то сказать, но папа закричал, что не желает выслушивать никаких комментариев. Есть было нечего, поэтому папа на такси отвёз нас в ресторан. Это было классно! Правда, у самого папы был не очень хороший аппетит, но мы с мамой взяли лангуста под майонезом, как на торжественном обеде, который устраивали в день первого причастия моего кузена Эложа. А ещё мама сказала, что папа прав и что в экономии есть свои положительные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.